

Научная жизнь

Монголоведные исследования на страницах журнала «Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук»*

© 2014

Б. Базаров, Л. Курас

В статье дается анализ монголоведных исследований, опубликованных на страницах журнала «Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук», в которых рассматриваются этническая, языковая и историческая составляющие истории Монголии. Многие публикации являются результатом совместных российско-монгольских проектов, подготовленных при поддержке РГНФ (Россия) и МиОКН (Монголия).

Ключевые слова: Вестник Бурятского научного центра СО РАН, Россия, Монголия, монголоведные исследования, критика и библиография.

Вероятно, в силу того, что Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ИМБТ СО РАН) является единственным в мире специализированным академическим институтом, предметно изучающим монголистику во всем ее многообразии (такого института нет даже в Монголии), с первых дней существования журнала «Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук» (2011 г.) для него стала приоритетной монголоведная тематика. Из номера в номер рубрика «Монголия» пополняется оригинальными материалами, среди авторов которых не только сотрудники ИМБТ СО РАН, но и ученые Института востоковедения РАН, Института Дальнего Востока РАН, Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Иркутского государственного университета, Управления РАФ ФСБ России, Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, Калмыцкого государственного университета, Иркутского государственного университета,

Базаров Борис Ванданович — член-корреспондент РАН, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, председатель Президиума БНЦ СО РАН. E-mail: bazarov60@mail.ru.

Курас Леонид Владимирович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: kuraslv@yandex.ru.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского Научного Фонда в рамках научно-исследовательского проекта «Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ Азии» № 14–18–00552.

Бурятского государственного университета, Института филологии СО РАН, Института археологии и этнографии Дальневосточного отделения РАН, Института международных отношений Академии наук Монголии, Института истории Академии наук Монголии и Института кочевых цивилизаций Академии наук Монголии. Не случайно одним из членов редакционного совета журнала является президент Академии наук Монголии академик Б. Энхтувшин. В постоянных рубриках журнала («История. Этнография», «Филология», «Культурология. Политология», «Региональная экономика», «Религиоведение», «Буддология», «Тибетская медицина») периодически появляются статьи, затрагивающие различные вопросы монголистики.

Все рассматриваемые нами статьи, опубликованные на страницах журнала можно структурировать по проблемному принципу. Прежде всего, следует выделить такие темы, как «Историография истории Монголии», «Монголы и монгольский мир», «Традиционное хозяйство монголов в изменяющемся мире», «Место и роль бурятских демократов в становлении монгольской государственности», «Личность в истории», «Вторая мировая война и российско-монгольское военное сотрудничество», «Место и роль Монголии в российской истории», «Монголия в изменяющемся мире», «Социальная структура монгольского общества», «Стратегическое партнерство», «Современное законодательство Монголии», «Буддология», «Тибетская медицина», «Сохранение традиционной культуры монголов», «Литературная критика», «Наука и практика».

Историография истории Монголии

Выбирая «генеральную линию» академического журнала, было необходимо осуществить своеобразный смотр сил, проанализировать современное состояние российского монголоведения, в том числе и монголоведения сибирского, дабы определить магистральные направления будущих исследований. В этой связи в числе первых монголоведческих публикаций на страницах «Вестника» были историографические статьи профессора Иркутского госуниверситета Е.И. Лиштованного¹ и профессора Бурятского госуниверситета В.Д. Дугарова². Е.И. Лиштованный показывает преемственность сибирского монголоведения, которое «стояло на плечах» российского ориентализма. Но создание авторитарного государства способствовало сосредоточению востоковедных исследований в центре, что привело к разрушению региональных центров востоковедения в конце 20-х годов XX в. И лишь в послевоенный период в Восточной Сибири начали возрождаться востоковедные исследования в академических структурах и в системе высших учебных заведений. В этом плане статья В.Д. Дугарова стала логическим продолжением статьи Е.И. Лиштованного, указав на серьезные недостатки советского монголоведения, автор на основе историографического анализа, предлагает вполне реальные направления востоковедной (монголоведческой) работы.

Монголы и монгольский мир

Проблема монгольского мира является главной темой всех Всемирных монголоведческих конгрессов, а также работы Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ИМБТ СО РАН). Поэтому не случайно, что она стала определяющей в серии публикаций, связанных с проведением в Улан-Удэ VI Генеральной сессии Конвента монголов мира (14–18 июня 2010 г.). Форуму предшествовало создание многочисленных обществ и ассоциаций, которые способствовали укреплению сотрудничества монголов мира, в частности: Культурного научно-исследовательского фонда монгольских народов, Ассоциации борцов монгольских народов, Шахматной ассоциации монгольских народов и др. Но, пожалуй, главным событием Конвента монголов мира стала международная научная конференция «Глобализация и монгольский мир», подготовленная ИМБТ СО РАН. Именно на эту особенность указали в своей статье М.Н. Балдано и Л.В. Курас, которые

дали характеристику основных направлений монгольской проблематики, освещенных во время конференции. Не случайно в ее работе приняли участие до 200 ученых ведущих востоковедных центров России, Монголии, Китая, Индии и др.³

Несомненно, что наиболее значимыми выступлениями на научном форуме стали доклады председателя президиума Бурятского научного центра СО РАН, директора ИМБТ СО РАН, член-корреспондента РАН Б.В. Базарова⁴ и президента академии наук Монголии академика Б. Энхтувшина⁵, опубликованные на страницах журнала. Ученые не просто раскрыли современное состояние монгольского мира в азиатском пространстве сквозь призму российско-китайско-монгольских отношений на региональном уровне в условиях глобализации: их выступления органически дополнили друг друга, обозначив основные направления в деле преумножения исторического и культурного наследия монголов. Так, если Б.В. Базаров сосредоточил свое внимание на государственном суверенитете Монголии и многовекторности ее внешней политики в свете новых тенденций в восточноазиатской геополитике и тенденций проникающего взаимодействия через Внутреннюю Азию, то академик Б. Энхтувшин, опираясь на исторический опыт, заострил внимание на историко-культурном иммунитете монголов в рамках культурной глобализации.

О важности поставленной проблемы говорит тот факт, что Б.В. Базаров еще раз возвращается к поставленной проблеме в рамках треугольника «Россия—Монголия—Китай», который «имеет громадные перспективы развития и несмотря на высокий объем человеческого ресурсного потенциала... начинает выходить из плена исторически сложившихся обстоятельств, определяет собственный профиль в рамках мировой экономики и международных отношений»⁶.

В рамках этой проблемы особую роль в Центральной Азии приобретает концепция «мягкой силы», предполагающая набор современных методов борьбы за влияние в Монголии. Началась большая игра, основными участниками которой стали Россия, США и Китай: они борются за право контролировать минеральные и энергетические ресурсы региона. Монголия стремится сохранить равноправие в отношениях со всеми странами, расширить географию внешних связей и реализовать политику открытой экономики. Именно этому аспекту современной международной политики посвящена монография доктора политических наук А.В. Михалева «Монголия в большой игре XXI века: борьба за влияние и неформальные институты мягкой силы»⁷, рецензия П.Н. Дудина на которую помещена в «Вестнике БНЦ СО РАН»⁸.

Анализируя международную обстановку, место и роль Монголии на международной арене, нельзя забывать, что политический вес государства во многом зависит от внутреннего климата, от политической стабильности и социально-экономического положения граждан. И в этой связи необходимо обратить внимание на статью старейшего российского монголоведа М.И. Гольмана, который проанализировал итоги и особенности избирательной кампании 2012 г. в Великий государственный хурал Монголии и Столичное собрание представителей граждан и оценил эту кампанию «как крупный шаг Монголии вперед на пути укрепления демократии»⁹.

Здесь следует отметить, что в современной Монголии и на внутреннюю, и на внешнюю политику накладывает отпечаток религиозный фактор, который, естественно, не обойден вниманием на страницах «Вестника».

Буддизм в Монголии

Сегодня понимание монгольского мира невозможно представить без буддизма, который органично влился в современную жизнь Монголии. А после принятия ряда либеральных законов о свободе вероисповедания буддизм стал неотъемлемой частью жизни монгольского общества, что во многом изменило ценностные ориентации мон-

голов. Поэтому не случайно, что на страницах журнала в рубрике «Буддология» постоянно рассматриваются проблемы становления и развития буддизма в Монголии. Среди публикаций на эту тему следует обратить особое внимание на статью профессора Л.Е. Янгутова, посвященную истории становления буддизма в Монголии¹⁰. Но, пожалуй, наибольшего внимания заслуживает подборка «Буддизм в панораме веков», которую открывает статья того же автора, посвященная исследовательским проблемам буддизма России и Монголии¹¹. Эта подборка замечательна, прежде всего, тем, что в ней рассматриваются проблемы развития буддизма не только в Монголии, но и в Калмыкии, Тыве, Бурятии, Европе и Северной Америке.

Для нас же в этой подборке самый большой интерес представляет статья профессора М. Гантуя, посвященная проблеме преподавания и исследования буддизма в Монголии, включая изучение буддийской доктрины и переводы буддийских канонов с тибетского на монгольский¹². Исследователь рассматривает традиции и законы Учения Будды как противостоящие негативным влияниям, которые приходят в общество вместе с рыночными отношениями, и делает упор на духовное воспитание молодого поколения как гарант развития государства и общества¹³.

Наряду с социальным аспектом буддизма и его влияния на монгольский мир на страницах журнала рассматривается и собственно смысл тибето-монгольского буддийского учения. Так, профессор И.С. Урбанаева пишет о буддийской доктрине в контексте цивилизационного пограничья тибето-монгольского мира¹⁴.

Проблема буддизма неразрывно связана с тибетской медициной, ибо их распространение на территории Монголии происходило одновременно.

Тибетская медицина

С древнейших времен на востоке существовали такие медицинские системы, как индийская, персидская, китайская, тибетская. Их представители оставили богатое письменное наследие, которое и легло в основу исследования традиционной медицины современными учеными. При этом такие национальные медицины Востока, как вьетнамская, корейская, японская, а также традиционная медицина монгольских народов остаются наименее изученными. Что касается тибетской медицины в Монголии, она представляет особый интерес для науки и имеет прикладное значение.

Тибетская медицина проникла в Монголию одновременно с буддизмом, она постепенно обогащалась за счет традиционной медицины монголов. Это способствовало возникновению концепции единства и взаимосвязи человека, природы и космоса. В журнале существует постоянная рубрика «Тибетская медицина». Помещенная в ней статья С.М. Баторовой посвящена исследованию препаратов, получаемых из природных ресурсов Монголии, и методов лечения, имеющих непреходящее значение для теории и практики современной медицины¹⁵.

С созданием при помощи и непосредственном участии Советской России монгольского государства нового типа, которому большевики оказывали всестороннюю помощь, в том числе и медико-санитарную, тибетская медицина, воспринимавшаяся как сегмент буддизма, выпала из концепции единства. Эта двойственность и противоречие привели к многолетнему разрыву между медициной светской и традиционной, причем последняя оказалась в роли изгоя. В этой связи представляет интерес статья В.Ю. Башкуева, посвященная советской медико-санитарной помощи Монголии в довоенные годы¹⁶, и ее роли в создании современной системы здравоохранения Монголии¹⁷. И хотя в статье нет ни слова о драматических коллизиях и противостоянии, тем не менее, автор указывает на сочетание пролетарского альтруизма советского периода с геополитическим прагматизмом реальной политики: советское руководство было озабочено созданием надеж-

ной системы коллективной безопасности¹⁸. Поэтому не случайно оказывалось «за бортом» все, что не вписывалось в концепцию пролетарской революции.

Рассмотренные на страницах журнала вопросы буддизма и тибетской медицины, в свою очередь, непосредственно связаны с различными аспектами традиционного хозяйства монголов.

Традиционное хозяйство монголов в изменяющемся мире

Наиболее важной проблемой в современной Монголии стало состояние nomадного хозяйства монгольских скотоводов в условиях глобализации. В статье А.Д. Гомбожапова¹⁹ сделан упор на особенности современного монгольского общества, в структуре которого довольно весомый слой составляют ведущие кочевой и полукочевой образ жизни араты. При этом автор обращает особое внимание на тот факт, что модернизация и глобализация вовсе не исключают nomадный способ ведения хозяйства, а демонстрируют «опыт сочетания элементов городской культуры с кочевым бытом». В то же время исследователь высказывает справедливое сомнение в возможности дальнейшего экстенсивного развития животноводства Монголии в условиях развития рыночных отношений, которые объективно приводят к нарушающим сложившийся экологический баланс структурным переменам в традиционном хозяйствовании. Эти выводы в полной мере подтверждаются в статье В.Г. Жалсановой²⁰, которая проанализировала социально-экономическую составляющую nomадного хозяйства в Монголии, сравнив его с современным состоянием малых сел в Республике Бурятия. Это представляется тем более актуальным, что перед Монголией, как и перед всей мировой цивилизацией, в настоящее время стоит важнейшая проблема продовольственной безопасности.

Эта проблема наиболее четко рассмотрена в совместной статье Б. Энхтувшина, Л.В. Кураса и Б.Д. Цыбенова, выполненной в рамках совместного проекта СО РАН (Россия) и АНМ и МиОКН (Монголия). В статье дан анализ современного состояния традиционного скотоводства монголов. Разобрав суть природоохранной культуры монголов и остановившись на мерах, предпринимаемых для развития традиционного скотоводства, авторы пришли к позитивному выводу о том, что «традиция кочевничества не прекратилась и будет продолжаться». Но при этом необходимо ее «всемерно поддерживать, расширяя пространство кочевничества на экономическом, территориальном, инфраструктурном и местно-управленческом уровнях»²¹. Этому во многом помогают и сами кочевники-скотоводы, вооруженные знаниями и опытом. Именно на этом аспекте заострил внимание наш монгольский коллега, профессор С. Дулам²².

Вполне созвучна исследованию С. Дулама статья Л.С. Дампиловой, посвященная сакрализации пути в Прихубсугулье²³. Это обусловлено тем, что сакрализация мест традиционного хозяйствования монголов является не просто традицией, но и частью идеологии nomадизма.

В русле этой идеи представляет несомненный интерес исследование Б.З. Нанзатова и М.М. Содномпиловой, осуществленное в рамках монгольского проекта, поддержанного РГНФ: оно посвящено изучению роли и места невестки в традиционном монгольском обществе и конструктивным функциям этой роли в социальном устройстве общества²⁴.

Структура современного монгольского общества подвергается существенному изменению, и это требует специального изучения.

Социальная структура монгольского общества

Не случайно Д.Д. Бадараев обратил внимание именно на социально-демографические аспекты современного монгольского общества²⁵. Автор на основе социологических исследований и материалов переписи населения пришел к выводу о наличии демо-

графического роста, происходящего как естественным путем, так и за счет репатриации монголов, проживающих за рубежом. Это позволило исследователю отметить трансформационный характер происходящих перемен в обществе; он пишет, что общество можно стратифицировать, выделив государственных служащих, скотоводов, бизнесменов разного уровня, наемных рабочих и асоциальные элементы. Кроме того, ученый стратифицирует общество на основе экономического критерия, обращая внимание на усиление поляризации общества. Это позволило сделать вывод о влиянии процессов глобализации на демографическую ситуацию в стране, которое имеет неоднозначный и противоречивый характер. Это выражается в дифференциации и поляризации общества, высоком уровне безработицы, внешней и внутренней миграции, в росте преступности и коррупции. В то же время автор выделяет такой аспект глобализации, как формирование у женщин активной гражданской позиции и увеличение доли женского участия в производственном процессе. О важности этого аспекта свидетельствует специальное исследование С.С. Цыпиловой, посвященное социально-экономическому положению женщин в современном монгольском обществе²⁶. В то же время, изучая изменения социальной структуры монгольского общества, Д.Д. Бадараев рассматривает трансформационный фактор и на внешнем уровне: он способствовал укреплению статуса государства на мировой арене, вступлению Монголии в качестве ассоциированного члена во многие международные организации, увеличению товарооборота и обретению поддержки мирового сообщества в решении социально-экономических задач. Поэтому существенной практической и исследовательской проблемой для Монголии становится стратегическое партнерство.

Стратегическое партнерство

Рассмотрение проблемы стратегического партнерства представляется необычайно важным — как в научном, так и в политико-социальном аспектах. В этом отношении несомненный интерес представляет публикация М.И. Гольмана, помещенная в разделе «Конвент монголов мира», в которой проанализировано современное состояние и перспективы российско-монгольских отношений. На основе имеющейся статистики ученый справедливо отмечает постепенный переход от спада отношений между Россией и Монголией к их стратегическому партнерству²⁷. При этом исследователь делает упор на всемерное расширение приграничного сотрудничества. Этой проблеме посвящено специальное исследование Н.И. Атанова и Б.Э. Намжиловой, которые сосредоточивают внимание на российско-монгольском приграничном сотрудничестве²⁸, и статья Л.В. Кураса и Б.Д. Цыбенова, раскрывающая историю создания и современное состояние свободной торговой зоны «Алтанбулаг»²⁹.

На решение этих задач огромное влияние оказывают внешнеполитические факторы, ибо «современный мир характеризуется высокой степенью взаимозависимости и взаимосвязанности всех субъектов международных отношений», на что справедливо указывает в своей статье И.Б. Гармаева³⁰. При этом исследователь особое внимание уделяет отношениям Монголии с Россией. Это обусловлено как особым местом и ролью Монголии в российской истории, так и многолетним, всесторонним, в том числе и скрепленным кровью военным сотрудничеством двух стран.

В то же время для Монголии важна и перспектива международного сотрудничества, поскольку геополитическая конфигурация региона изменилась. В этой связи представляется весьма актуальной статья В.А. Родионова, посвященная перспективам участия Монголии в работе Шанхайской организации сотрудничества³¹.

Не следует забывать, что на протяжении всего XX в. важнейшим стратегическим партнером Монголии была именно Россия.

Место и роль Монголии в Российской истории

Несомненный интерес представляет работа Л.В. Кальминой³². Статья несколько выходит за рамки собственно монголоведения — монгольский фактор рассмотрен в контексте истории железнодорожного строительства в Забайкалье. Это придает исследованию особую привлекательность. Более того, оно выходит на уровень геополитический: в нем показано важное значение Монголии в имперских планах России начала XX в. и в последующие годы, определившее направление, в каком Россия развивала транспортную инфраструктуру в Центральной Азии.

В этой связи особенно значимо отношение монголов (и прежде всего современной монгольской молодежи) к России, ее истории и к всестороннему сотрудничеству с ней. Именно этот аспект освещен в статье И.Г. Аюшевой и М.Г. Цыреновой³³.

Вторая мировая война и российско-монгольское военное сотрудничество

Проблеме российско-монгольского военного сотрудничества посвящено немало работ. Но наиболее значимые из них — документальные, подготовленные совместными усилиями российских и монгольских ученых³⁴. Ученые вновь и вновь возвращаются к проблеме боевого братства, характеристике боевых действий и пересмотру хода боевых действий на р. Халхин-Гол. Особый интерес представляет статья директора Института стратегических исследований Монголии, профессора Р. Болда, который подробно характеризовал ход боевых действий и выявил реальные потери сторон в ходе боев³⁵. И это представляется тем более важным, что в современных условиях изменения двуполярного мира история Второй мировой войны зачастую подвергается фальсификации; это напрямую относится и к истории Монголии. При этом наиболее уязвимыми в этих потоках лжи оказались страны постсоветского пространства, входившие в Варшавский пакт и Совет экономической взаимопомощи, на что указывают профессора В.Д. Дугаров и Е.И. Лиштованный в рецензии на фотоальбом «Монголия во Второй мировой войне», подготовленный российскими и монгольскими учеными в рамках совместного проекта РГНФ (Россия) и МиОКН (Монголия)³⁶.

Восстанавливая справедливую историю Второй мировой войны, следует обратить особое внимание на такой важный сегмент этой проблемы, как «плен». В этом сегменте, в свою очередь, следует выделить такие составляющие, как «монгольские пленные в СССР» и «японские военнопленные в Монголии». Что касается монгольских пленных, то эта проблема раскрывается в статье С.В. Карасева, в которой представлен состав пленных советско-японской войны 1945 г. Войскам СССР и Монголии противостояла не только Квантунская армия, но и армия Маньчжоу-Го и армия Внутренней Монголии Дэвана³⁷. Автор указывает, что за весь период боевых действий и после капитуляции японских войск только на Забайкальском фронте было взято в плен 3862 монгола³⁸.

Что касается японских военнопленных в Монголии, то этой проблеме посвящена отдельная монография монгольского ученого Ч. Двашдаваа, на которую в «Вестнике» помещена рецензия Л.В. Кураса и Б.Д. Цыбенова³⁹. Особенность рассмотренной работы, опубликованной на монгольском языке, заключается прежде всего в том, что это фактически первое монографическое исследование в Монголии по такой важной проблеме, тогда как российская историография успешно исследует ее уже более 20 лет, на что авторы указывают уже в первых строках рецензии. В ней подчеркивается также, что профессор Ч. Дашдаваа не использовал целый ряд монографических сочинений российских ученых, включая, прежде всего, работы профессора С.И. Кузнецова — признанного российского специалиста по этой проблеме. В отличие от российских ученых автор начинает рассмотрение проблемы с Халхин-Гола, когда в результате победы советско-монгольских

войск на территории МНР появились первые японские военнопленные. Следует отметить, что автор монографии и авторы настоящей статьи в течение трех лет (2009–2011 гг.) работали над совместным проектом РГНФ (Россия) и МиОКН (Монголия) «От Халхин-Гола до линкора "Миссури"», что во многом помогло монгольскому ученому в написании монографии. Что касается собственно рецензии, то авторы не просто познакомили научную общественность России с работой монгольского коллеги, но и способствовали введению в российскую историографию нового фактического материала.

От рассмотрения российско-монгольского военного сотрудничества и прочих вопросов истории Монголии в XX в. ученые закономерно приходят к исследованию монгольской государственности, созданию которой в огромной степени способствовали молодое Советское государство и бурятские демократы.

Место и роль бурятских демократов в становлении монгольской государственности

К освещению этой проблемы монгольские и российские ученые возвращаются постоянно, ибо она неотделима от истории Монголии XX—XXI вв. Наиболее значительные выступления на эту тему принадлежат профессору Н. Хишигт, делом всей жизни которой стала история монгольской революции 1921 г.⁴⁰ Следует отметить, что российские ученые дают высокую оценку работам монгольского коллеги⁴¹. Так, на страницах журнала Н. Хишигт, поднимая вопросы, связанные с восстановлением независимости Монголии в 1911–1921 гг., особенно акцентирует внимание на роли бурятских демократов в истории Монголии в первой четверти XX в.⁴² Монгольская историография далеко не однозначно оценивает место бурятских демократов в монгольской революции и в национально-государственном строительстве. Это проявляется, в частности, в публикациях профессора Ч. Дашдаваа, который весьма критически оценивает не только роль бурятских деятелей в демократических преобразованиях в Монголии⁴³, но и результаты государственного строительства⁴⁴. Вполне созвучна исследованию профессора Ч. Дашдаваа и работа монгольского исследователя Ж. Жаргала, склонного оценивать период правления Ю. Цэдэнбала как тоталитарный режим социалистического типа⁴⁵. Следует отметить, что в оценке роли бурятских демократов в деле государственного строительства в Монголии особая заслуга принадлежит профессору В.С. Христофорову⁴⁶, благодаря которому в научный оборот впервые введены материалы Центрального архива ФСБ России и Монголии начала 20-х годов XX в.

Неоднозначная оценка деятельности бурятских демократов связана, прежде всего, с двумя факторами: личностным и национальным. И в этой связи приобретают особое звучание проблема личности в истории и вопросы, связанные с наличием в Монголии миноритарных групп (в частности, русских, бурят и тувинцев).

Личность в истории

На страницах журнала были опубликованы статьи, посвященные историческим личностям, оказавшим огромное влияние на ход исторических событий в Монголии, и людям, в разное время стоявшим у истоков монгольской государственности. Вполне естественно, что в этом ряду особое место занимает имя Чингисхана. Так, монгольские ученые академик Т. Дорж и профессор Д. Алимаа акцентировали внимание на достижениях Чингисхана в области экономической политики и государственного управления⁴⁷, а профессор Б.С. Дугаров, исследуя фольклорные мотивы «Сокровенного сказания», описал встречающиеся в нем сакральные знаки избранничества Чингисхана⁴⁸. Но регулярно исследования, посвященные персоналиям, стали появляться на страницах «Вестника» благодаря усилиям монгольского ученого О. Батсайхана. Он не просто стремится показать драматические события монгольской истории через призму личности, но уделяет

особое внимание тем персоналиям с монгольской и российской стороны, чья позитивная деятельность более всего способствовала становлению монгольской государственности, ее независимости, укреплению российско-монгольских связей, сначала дипломатических, а затем и политических. Это — VIII Богдо Жавзандамба-хутухта — руководитель и идеолог Монгольской революции 1911 г.⁴⁹ и Иван Яковлевич Коростовец — уполномоченный Российской империи в Монголии в 1912–1913 гг.⁵⁰

Миноритарные группы в Монголии

Изучение миноритарных групп предполагает не только и не столько выявление их численности и определение реальной картины этнолокального расселения на территории Монголии, но, прежде всего, исследование условий проживания, интенсивности и направленности этнокультурных процессов в условиях культурно-языковой оторванности от основной массы этноса. Именно эти процессы рассматриваются в статьях Д.И. Бураева и Д.М. Дандар-оол⁵¹, Ц.П. Ванчиковой и О.С. Ринчинова⁵², А.В. Михалева⁵³. Они объединяют существующие в Монголии «диаспоры», эмиграция которых в свое время была вынужденной. Особенность упомянутых исследований выражается в том, что авторы прогнозируют положение «диаспор» в условиях глобализации и предлагают реальные направления исследований в этой области:

- углубленное изучение истории, этнографии, фольклора, религии, культуры и внедрение результатов этих исследований общественное сознание;
- обмен информационно-новостными материалами об истории и культуре;
- организация научных экспедиций по местам устойчивого проживания миноритарных групп;
- популяризация языка, истории, искусства, культуры, национальных видов спорта.

В русле предложенных направлений особое значение приобретает монгольский язык не только как средство общения и передачи информации, но и как общественное явление.

Монгольский язык как общественное явление

Позитивная и адекватная адаптация этнокультурных феноменов этносов происходит, прежде всего, посредством языка, который в этих условиях становится общественным явлением. Так, в статье Л.Л. Абаевой⁵⁴ рассматривается проблема адаптации между монгольской и славянской метаэтническими общностями, обусловленной целым рядом причин, возникших в процессе многовековых исторических контактов. Т.е. речь идет о влиянии достижений других цивилизаций на язык культуры, что объективно происходит во всем мире. Но монгольский язык ведет себя совершенно по-другому по отношению к тюркским и эвенкийскому языкам: здесь речь идет об одностороннем влиянии монгольского. Именно на эту особенность обращает внимание профессор В.И. Рассадин, рассматривая соотношение тюркских и монгольских словообразовательных элементов в составе тюркско-монгольской языковой общности⁵⁵; то же отмечает и молодой исследователь Г.Н. Чимитдоржиева при исследовании монгольских метеотерминов в тюркских языках Сибири⁵⁶ и морфологических и семантических характеристик монгольских заимствований в эвенкийском языке⁵⁷. И хотя авторы, исходя из наличия монгольских лексических заимствований, сосредоточивают внимание на древности и глубине языковых связей с монголоязычными группами, для нас в большей мере важен феномен монгольского языка как общественного явления. Это, в свою очередь, связано с необходимостью наличия современной законодательной базы, которая способствовала бы укреплению, преподаванию и развитию языка.

Современное законодательство Монголии

На страницах журнала пока имеют место лишь скромные попытки изучения современной нормативно-законодательной базы Монголии. Они связаны с реформой местного самоуправления в Монголии, анализируемой в статье монгольского политического деятеля, депутата Великого государственного хурала С. Батболта⁵⁸ с точки зрения юридического статуса, функций и прав, а также с современным водным законодательством Монголии, приведшим к трансформации современной композиционной модели государственного управления водными ресурсами, рассмотренном в статье доктора политических наук Т.Б. Цыреновой⁵⁹. Следует отметить, что Т.Б. Цыренова задается весьма важным вопросом, который касается не только Монголии, но и приграничных территорий Российской Федерации: «Повлечет ли за собой трансформация композиционной модели государственного управления водными ресурсами в Монголии изменение самих приоритетов в области водных ресурсов?»⁶⁰ В этой связи вполне очевидна необходимость совместных международных экспедиций и международного сотрудничества во всех сферах.

Международные экспедиции и международное сотрудничество

Примером таких результативных и потому перспективных международных экспедиций стал проект «Месторождения полезных ископаемых Южнобийского аймака Монголии», который освещен в статье В.Б. Базарова⁶¹, и международная археологическая экспедиция, которой посвящена статья С.А. Васютина⁶². Необходимость такого рода сотрудничества обусловлена не только подробным анализом перспектив существующих месторождений и социально-экономических выгод для Монголии и России, но и общностью истории наших народов. Это в полной мере касается всех аспектов жизни монгольского ареала, в том числе и сохранения традиционной культуры монголов.

Сохранение традиционной культуры монголов

Не секрет, что глобализация — это процесс необратимый, который серьезно влияет не только на традиционный образ жизни, но и на традиционную культуру. Это особенно выпукло показано в серии статей авторского коллектива под руководством профессора С.О. Никифорова, который исследовал особенности машинного орнаментального дизайна в технике плетения на основе монгольского узора «улзы»⁶³ и особенности дизайна монгольских юрт (гэр)о⁶⁴. Эти исследования открывают перспективы, прежде всего, в прикладной области: при соединении традиционных технологий с инновационными Монголия может получить конкурентные преимущества в создании качественно новых и эффективных товаров и услуг. Тем не менее, мы считаем это сугубо технократическим подходом к решению проблемы, несмотря на то, что он сулит развитие инфраструктуры жизнестойких предприятий. На наш взгляд, необходимо сосредоточить внимание на гуманитарной составляющей традиционного образа жизни монголов.

Литературная критика

Большинство современных критиков и литературоведов признают факт перехода монгольской литературы конца XX — начала XXI вв. на качественно новую ступень развития. Освобожденная от необходимости выполнения социального заказа, литература становится на путь поиска новых принципов. Тем не менее, современная монгольская литература остается проводником истории и традиций монгольского мира. Поэтому она постоянно возвращается к многообразию поэтических жанров «Сокровенного сказания монголов», о чем пишет Е.Е. Балданмаксарова⁶⁵. Даже в принципиально новом для молодой монгольской литературы жанре, каковым является детектив (произведения Г. Аюрзана), и в модернистском творчестве Д. Батбаяра постоянно происходит возвращение к ис-

тории и традициям монголов. Именно на этом аспекте сосредоточила свое внимание М.П. Петрова⁶⁶.

Физические исследования в БНЦ СО РАН

И наконец, следует упомянуть еще один раздел⁶⁷, который сложно связать с иными рубриками, ибо они носят гуманитарный характер. В него входят статьи, опубликованные сотрудниками созданного полтора года назад Института физического материаловедения РАН, которые активно сотрудничают с монгольскими коллегами, проводят с ними совместные экспедиции и осуществляют совместные проекты. Это исследования толщ атмосферы в байкальском регионе и аридных районах Монголии, проводимые А.С. Заяхановым, Г.С. Жамсуевой и С.А. Нагулаевым, а также изучение временной динамики растительного покрова климатических зон Центральной Монголии, осуществляемое Е.Ж. Гармаевым и Б.З. Цыдыповым⁶⁸.

* * *

За три года издания на страницах журнала опубликовано значительное число статей из разных областей знаний, объединенных объектом исследования: все они посвящены Монголии и монгольскому миру. И хотя на страницах издания рассматриваются также проблемы Центральной и Юго-Восточной Азии, Тибета, Китая и арабского мира, проанализированные выше публикации позволяют позиционировать журнал как монголоведный.

1. *Лиштованный Е.И.* Сибирское монголоведение в первой четверти XX в. // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2011. № 3. С. 83–95.
2. *Дугаров В.Д.* Перспективы монголоведных исследований в трудах российских ученых-востоковедов Восточной Сибири в начале XXI // Там же. 2011. № 3. С. 95–101.
3. *Балдано М.Н., Курас Л.В.* IV Генеральная сессия Конвента монголов мира // Там же. 2011. № 1. С. 5–7.
4. *Базаров Б.В.* Монгольский мир в современном азиатском пространстве // Там же. 2011. № 1. С. 8–15.
5. *Энхтувшин Б.* Глобализация: Монголия и монголы // Там же. 2011. № 1. С. 15–20.
6. *Базаров Б.В.* Контактные зоны Центральной и восточной Азии: проблема паритетного взаимодействия // Там же. 2011. № 3. С. 13.
7. *Михалев А.В.* Монголия в Большой игре XXI века: борьба за влияние и институты мягкой силы». Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2013.
8. *Дудин П.Н.* Геополитические игры мировых держав во Внутренней Азии: научный дискурс и борьба за ресурсы: Рец. на монографию А.В. Михалева «Монголия в Большой игре XXI века: борьба за влияние и институты мягкой силы» // Там же. 2014. № 2. С. 190–193.
9. *Гольман М.И.* Победа демократов // Там же. 2012. № 4(8). С. 80.
10. *Янгутов Л.Е.* О становлении буддизма в Монголии // Там же. 2011. № 3. С. 137–142.
11. *Янгутов Л.Е.* Буддизм в России и Монголии: проблемы исследования // Там же. 2013. № 2(10). С. 130–136.
12. *Янгутов Л.Е.* Буддизм в России и Монголии: проблемы исследования // Там же. 2013. № 2(10). С. 130–136.
13. Там же. С. 131.
14. *Урбанаева И.С.* Смысл буддийской историзации тибето-монгольского мира в контексте межцивилизационных взаимодействий // Там же. 2011. № 3. С. 152–160; *Она же.* Буддизм и цивилизационное пограничье тибето-монгольского мира в Китае // Там же. 2012. № 4(12). С. 167–178.
15. *Баторова С.М.* К истории традиционной монгольской медицины // Там же. 2011. № 3. С. 161–168.
16. *Баикуев В.Ю.* Советская медико-санитарная помощь Монголии в Центральной Азии в 1930-е гг. // Там же. 2011. № 3. С. 35–42.

17. *Баикуев В.Ю.* Медико-географическая характеристика Хэнтэйского аймака Монголии в очерке советского врача И.А. Охотникова (середина 1930-х гг.) // Там же. 2012. № 1(5). С. 210–218.
18. Там же. С. 42.
19. *Гомбожапов А.Д.* К проблемам кочевников-животноводов в Монголии // Там же. 2011. № 3. С. 72–75.
20. *Жалсанова В.Г.* Номадное хозяйство в современной Монголии: социально-экономический аспект // Там же. 2011. № 3. С. 75–82.
21. *Энхтувшин Б., Курас Л.В., Цыбенков Б.Д.* Традиционное скотоводство монгольских кочевников в условиях глобализации // Там же. 2013. № 4(12). С. 208–223.
22. *Дулам С.* Знания монгольских скотоводов о пастбищах, водных источниках и типах стойбищ // Там же. 2011. № 4. С. 78–84.
23. *Дампилова Л.С.* Сакрализация пути в Прихубсугулье // Там же. 2011. № 4. С. 72–77.
24. *Нанзатов Б.З., Содномпилова М.М.* Группа «невестки» в концептуальном универсуме монгольского общества // Там же. 2013. № 3(11). С. 7–18.
25. *Бадараев Д.Д.* Социально-демографические и структурные аспекты становления современного монгольского общества // Там же. 2012. № 4(8). С. 68–75.
26. *Цыпилова С.С.* Социально-политическое положение монгольских женщин в 90-е гг. XX в. // Там же. 2013. № 3(11). С. 155–160.
27. *Гольман М.И.* От спада до стратегического партнерства: российско-монгольские отношения 1990–2010 гг. // Там же. 2011. № 1. С. 20–26.
28. *Атанов Н.И., Намжилова Б.Э.* Российско-монгольское сотрудничество в спектре приграничного взаимодействия // Там же. 2011. № 1. С. 27–40.
29. *Курас Л.В., Цыбенков Б.Д.* Свободная торговая зона «Алтанбулаг» // Там же. 2013. № 1(9). С. 159–173.
30. *Гармаева И.Б.* Влияние внешнеполитических факторов на политические процессы в Монголии после 1990 г. // Там же. 2011. № 4. С. 204–211.
31. *Родионов В.А.* Перспективы участия Монголии в работе Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) // Там же. 2011. № 3. С. 130–136.
32. *Кальмина Л.В.* Монгольский фактор в российском железнодорожном строительстве в Центральной Азии в начале XX в. // Там же. 2013. № 2(10). С. 190–195.
33. *Аюшева И.Г., Цыренова М.Г.* Россия глазами современной монгольской молодежи // Там же. 2011. № 3. С. 107–112.
34. Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946). Сб. документов. Часть 2. М.-Улан-Удэ: ИПК ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2008. Ч. 1–2; Российско-монгольское военное сотрудничество. От Халхин-Гола до линкора «Миссури» (1939–1946 гг.). Улан-Удэ; Улан-Батор. 2011. Оттиск.
35. *Болд Р.* Боевые действия на реке Халхин-Гол: пересмотр статистики // Там же. 2013. № 3(11). С. 143–154.
36. *Дугаров В.Д., Лиштованный Е.И.* Российско-монгольский проект о вкладе Монголии в разгром германского фашизма и японского милитаризма: Рец. на кн.: Монголия во Второй мировой войне: Фотоальбом / науч. ред. Ч. Дашдаваа, Л.В. Курас. Иркутск, 2011. 96 с. Оттиск // Там же. 2011. № 4. С. 239–242.
37. *Карасев С.В.* Монгольские пленные в СССР после Второй мировой войны // Там же. 2011. № 3. С. 56–62.
38. Там же. С. 57–58.
39. *Курас Л.В., Цыбенков Б.Д.* Японские военнопленные в Монголии: Рец. на монографию Ч. Дашдаваа «Японы олзлогдогсод Монголд». Улаанбаатар: Бэмби-Сан хэвлэлийн газар, 2013. 310 с. // Там же. 2014. № 1(13). С. 260–265.
40. *Хишигт Н.* Восстановление независимости Монголии в 1911–1921 гг. // Там же. 2011. № 3. С. 19–35.
41. *Курас Л.В., Цыбенков Б.Д.* 90 лет монгольской революции 1921 г.: Рец. на кн.: Хишигт Н. Монголын хувьсгал: 1921 (Монголын ундэсний ардчилсан хувьсгалын туухийг нэхэл судлахуй): монография. Улаанбаатар: Бэмби-Сан хэвлэлийн газар, 2011 // Там же. 2011. № 4. С. 235–238.
42. *Хишигт Н.* Буряты в Монголии: первая четверть XX в. // Там же. 2011. № 4. С. 185–203.
43. *Дашдаваа Ч.* Роль бурятских деятелей в демократических преобразованиях в Монголии // Там же. 2013. № 3(11). С. 138–143.

44. *Даидаваа Ч.* От демократии к авторитаризму // Там же. 2011. № 3. С. 43–56.
45. *Жаргал Ж.* Существовал ли в Монголии тоталитарный режим? // Там же. 2012. № 1(5). С. 198–209.
46. *Христофоров В.С.* Материалы Центрального архива ФСБ России о Монгольской Народной Республике начала 1920-х гг. // Там же. 2012. № 4(8). С. 56–68.
47. *Дорж Т., Алимаа Д.* О выдающихся достижениях Чингисхана в экономической политике и государственном управлении // Там же. 2011. № 4. С. 52–63.
48. *Дугаров Б.С.* Сакральные знаки избранничества Чингисхана (фольклорные мотивы в контексте «Сокровенного сказания») // Там же. 2012. № 4(). С. 43–55.
49. *Батсайхан О.* VIII Богдо Жавзандамба-хутухта — руководитель и отец Монгольской национальной революции 1911 года // Там же. 2013. № 3(11). С. 121–137.
50. *Батсайхан О.* Уполномоченный императорского российского правительства в Монголии в августе 1912-мае 1913 г. Иван Яковлевич Коростовец // Там же. 2013. № 4(12). С. 77–87.
51. *Бураев Д.И., Дандар-оол Д.М.* Тувинцы Монголии // Там же. 2011. № 3. С. 14–19.
52. *Ванчикова Ц.П., Ринчинова О.С.* Бурятская диаспора в Монголии // Там же. 2011. № 3. С. 63–71.
53. *Михаев А.В.* «Русский вопрос» в социалистической Монголии (1920–1980-е гг.) // Там же. 2011. № 3. С. 123–130.
54. *Абаева Л.Л.* Язык культуры в контексте взаимоотношений России и Монголии // Там же. 2011. № 3. С. 102–107.
55. *Рассадин В.И.* О соотношении тюркских и монгольских словообразовательных элементов в составе тюрко-монгольской языковой общности // Там же. 2013. № 3(11). С. 105–110.
56. *Чимитдоржиева Г.Н.* Монгольские метеотермины в тюркских языках Сибири Вестник Бурятского научного центра Сибирского научного центра Российской академии наук. 2013. № 4(12). С. 152–156.
57. *Чимитдоржиева Г.Н.* Морфологические и семантические характеристики монгольских заимствований в эвенкийском языке // Вестник Бурятского научного центра Сибирского научного центра Российской академии наук. 2011. № 3. С. 190–199.
58. *Батболт С.* Администрация местного самоуправления и ее реформа в Монголии // Там же. 2011. № 3. С. 112–123.
59. *Цыренова Т.Б.* О водном законодательстве Монголии // Вестник Бурятского научного центра Сибирского научного центра Российской академии наук. 2013. № 4(12). С. 223–231.
60. Там же. С. 230.
61. *Базаров В.Б.* Международная экспедиция «Месторождения полезных ископаемых Южнобайского аймака Монголии» // Вестник Бурятского научного центра Сибирского научного центра Российской академии наук. 2011. № 3. С. 211–215.
62. *Васютин С.А.* Киданьское городище Хэрмэн Дэнж и Тогу-Балык Кошо-Айдамских надписей: к вопросу о происхождении и этнокультурной принадлежности города начала VIII в. на р. Толе // Там же. 2011. № 4. С. 63–71.
63. *Никифоров С.О., Никифоров Б.С., Николаева С.С.* Машинный орнаментальный дизайн в технике плетения на основе монгольского узора «улзы» // Там же. 2012. № 4(8). С. 81–94.
64. *Никифоров С.О., Михайлов В.Н., Никифоров Б.С.* Особенности дизайна монгольских юрт (гэр): генезис, типология, каркасно-модульные технологии и их трансформациям // Там же. 2014. № 1(13). С. 99–116.
65. *Балданмаксарова Е.Е.* Многообразие поэтических жанров «Сокровенное сказания монголов» // Там же. 2013. № 1(9). С. 89–105.
66. *Петрова М.П.* Модернизм в творчестве Д. Батбаяра // Там же. 2011. № 3. С. 184–190; *Она же.* Образ гневного божества в детективном романе Г. Аюурзаны «Шугдэн» // Там же. 2013. № 3(11). С. 117–120.
67. *Заяханов А.С., Жамсуева Г.С., Нагулаев С.А.* Вариации аэрозольной оптической толщи атмосферы в Байкальском регионе и аридных районах Монголии // Там же. 2012. № 4(8). С. 229–244.
68. *Гармаев Е.Ж., Цыдыпов Б.З.* Пространственно-временная динамика растительного покрова аридной и семиаридной климатических зон Центральной Монголии на основе временных серий NDVI и натуральных исследований // Там же. 2012. № 4(8). С. 219–229.